

588

529

548

88

ИСКУССТВО ОТМЫВАНИЯ ДЕНЕГ

Слабо регулируемый рынок искусства изобилует возможностями отмывания
незаконных денежных средств

Том Мэшберг

Мэттью Грин вырос в головокружительном мире изобразительных искусств, с отрочества окруженный работами старых мастеров и импрессионистов. Его отец, Ричард, владелец двух самых прославленных галерей Лондона, имел дело с такими легендарными именами, как Пикассо, Констебл, Шагал и Брейгель. В возрасте 51 года Мэттью Грин готовился возглавить семейный бизнес, чтобы его отец мог посвятить себя новым увлечениям.

Но в конце 2017 года, по словам американских прокуроров, Грин связался с владельцами расположенной на Маврикии инвестиционной компании Beaufort Securities, которая занималась мошенничеством, манипулированием ценами акций и отмыванием денег. Владелец Beaufort не составляло труда надувать инвесторов, продавая им ничего не стоящие ценные бумаги. Труднее было создать видимость для органов регулирования, что несправедно полученная прибыль является законной. В прошлом Beaufort делала это, депонируя деньги под вымышленными именами в офшорных банках, а потом постепенно вводя их в глобальную банковскую систему. Компания также применяла проверенный временем прием с покупкой недвижимости и ее быстрой продажей, зачастую в убыток, чтобы конвертировать незаконные доходы в активы, о которых можно отчитаться как о результате имущественной сделки.

Теперь субъекты отмывания денег, такие как Beaufort, искали менее очевидные способы отмывать свои денежные средства, а Мэттью Грин умел торговать произведениями искусства, имеющими многомиллионную стоимость. Когда в конце 2017 года с Грином связались с целью стовора представители Beaufort (одним из которых в действительности был внедрившийся в Beaufort американский федеральный агент под прикрытием), Грин якобы сказал, что примет 6,7 млн фунтов стерлингов (в то время примерно 9 млн долл.), которые, о чем ему было известно, представляли собой доходы от мошенничества с ценными бумагами, в обмен на картину «Персонажи» Пикассо 1965 года. Грин оформит фальсифицированные документы о праве собственности, в которых будет указано, что произведение продано, в то время как Пикассо будет

Сотрудники переносят картину «Красный череп» 1982 года Жана-Мишеля Баския.

ФОТО: GETTYIMAGES / JACK TAYLOR / STRINGER

Рынок искусства является идеальной площадкой для отмыwania денег.

припрятан. Позже он симулирует его обратную покупку у своих сообщников по более низкой цене и оставит себе 5–10 процентов отмытых денежных средств.

«Искусство является весьма привлекательным способом отмыwania денег, — говорит бывший американский прокурор Питер Б. Харди, который сейчас консультирует корпорации и отрасли по соблюдению требований о противодействии отмыванию денег. — Его можно скрывать или провозить контрабандным путем, операции часто являются конфиденциальными, а цены бывают субъективными и спекулятивными — и чрезвычайно высокими».

После множества недавних случаев в США и Европе набирает темпы кампания по пресечению незаконных сделок с предметами искусства и старины. Законный рынок искусства сам по себе огромен: в конце 2018 года

он оценивался в 67,4 млрд долларов в мировом масштабе. Согласно данным Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, подпольный рынок искусства, включающий кражи, подделки, незаконный ввоз и организованные ограбления, может приносить до 6 млрд долларов ежегодно. Доля, связанная с отмыванием денег и прочими финансовыми преступлениями, составляет порядка 3 млрд долл.

Для Грина игры в темное искусство отмыwania денег закончилось плачевно. В США ему предъявлены обвинения по шести эпизодам попытки отмыwania денег, а его галерея в районе Мейфэр в Лондоне признана неплатежеспособной британскими органами регулирования. Хотя Грин не считается скрывающимся от правосудия, в протоколах суда указано, что американские прокуроры сообщили о его обвинительном заключении и ордере на арест правоохранительным органам Соединенного Королевства, Венгрии, Сент-Винсента и Гренадин и Маврикия. Ему также предписано сдать картину Пикассо. Тактику, которую использовали Грин и другие, обвиненные по схеме с Пикассо, по-прежнему

легко повторить, по крайней мере пока. Грин использовал лазейку в нормативных положениях, которую американские и европейские законодатели изо всех сил пытаются устранить. В отличие от банков, компаний по страхованию жизни, казино, обменных бюро и даже дилеров драгоценных металлов, аукционные дома и продавцы предметов искусства не обязаны сообщать о крупных денежных операциях в регулирующий орган. Более того, дилеры могут сохранять анонимность покупателей и продавцов. И, в отличие от американских компаний, имеющих дело с крупными суммами денежных средств, они не должны представлять в Министерство финансов США так называемые отчеты о подозрительной деятельности, если у них есть сомнения относительно происхождения денег, которые им платят.

Законопроект в Конгрессе

По закону «О предотвращении незаконной торговли предметами искусства и старины», который находится на рассмотрении в Конгрессе, правительство США обяжет «дилеров предметов искусства и старины» принимать программы противодействия отмыванию денег, вести учет покупок за наличные деньги и сообщать в федеральные органы регулирования о подозрительной деятельности и операциях, превышающих 10 000 долларов. Кроме того, арт-индустрию обяжут проверять прошлое клиентов и рассматривать покупки и продажи на предмет того, что деньги могли быть получены нечестным путем.

В Европейском союзе по его Пятой директиве о противодействии отмыванию денег компании в сфере искусства будут обязаны усилить меры по проверке клиентов и выявлять, «насколько это разумно возможно», цель всех крупных, необычно сложных или тайных операций.

По мнению многих арт-дилеров, правовые изменения в США и Европейском союзе лишат продавцов важного коммерческого преимущества — возможности предложить клиентам анонимность и сохранить непрозрачность рынка искусства. В прошлые годы, когда рынок изящных искусств считался более благородным занятием, официальные органы не были по-настоящему склонны контролировать его так же усиленно, как банковские или брокерские сделки. Примерно за прошедшее десятилетие все изменилось из-за огромных сумм денег, которые вкладываются в коллекционирование предметов искусства, и все большего внимания, которое уделяется пресечению подпольной торговли награбленными и контрабандными артефактами из стран, охваченных войной.

Сейчас правоохранители и даже некоторые компании, торгующие предметами искусства, говорят, что чрез-

мерная секретность стала недостатком, поскольку все больше и больше субъектов отмывания денег обнаруживают, что рынок искусства можно использовать как удобный канал. Как отмечали ФБР и Интерпол, «по сравнению с другими торговыми секторами, рынку искусства присущ повышенный риск воздействия сомнительной финансовой практики», потому что «объем операций, вызывающих вопросы с юридической точки зрения, заметно больше, чем на других глобальных рынках».

В обвинении, предъявленном Мэттью Грину и его сообщникам, даже приводится аудиозапись беседы, сделанная агентом под прикрытием, в которой Грин якобы похвалается, что «торговля искусством — единственный рынок, который так мало регулируется». По словам Грина, клиент «даже может купить предмет искусства под вымышленным именем без последствий».

«Безусловно, правоохранительными органами раскрывалось бы больше случаев, связанных с произведениями искусства и отмыванием денег, если бы дилеры предметов искусства и старины были включены в перечень компаний, по закону обязанных сообщать о подозрительных платежах, — говорит бывший американский прокурор, эксперт по законодательству о предметах искусства и старины Рик Ст. Хилэр. — Пока это никак не регламентируется».

По словам сторонников расширения регулирования, они хотят только того, чтобы в отношении торговли изящным искусством, культурными ценностями и древними артефактами действовали те же финансовые положения, с которыми имеют дело банки и прочие секторы.

«Рынок искусства является идеальной площадкой для отмывания денег», — говорит Томас Крист, член правления Базельского института по управлению, швейцарской некоммерческой организации, которая предложила стандарты противодействия отмыванию денег в отношении операторов рынка искусства. Он добавил: «Мы должны требовать четкой прозрачности, откуда получены деньги и куда они направляются».

Индустрия искусства против

Неудивительно, что арт-индустрия сопротивляется регулированию. Некоторые секторы утверждают, что примеры действительного отмывания денег путем торговли предметами искусства имеют место редко или преувеличиваются правоохранительными органами, которые стремятся к сенсационным заголовкам. Другие, как, например, Международная конфедерация ассоциаций арт-дилеров и антикваров, говорят, что требования о сообщении данных слишком обременительны для мелких участников рынка искусства.

На прошлогодней конференции по проблеме отмывания денег Джеймс МакЭндрю, бывший специальный агент Министерства внутренней безопасности, который сейчас лоббирует интересы дилеров и коллекционеров, говорил, что «ни одному арт-дилеру и коллекционеру не предъявлены обвинения в отмывании денег с помощью предметов искусства. Идея о том, что аукционы порочны или являются злом, возмутительна, потому что это не доказано». Питер Томпа, директор Альянса по глобальному наследию, поддерживающего торговцев монетами и отрасль драгоценных металлов в слитках, предупреждал, что многие представители этой профессии уйдут с рынка, поскольку внедрение новых стандартов будет слишком дорогостоящим.

А Комитет по культурной политике, представляющий крупных и малых арт-дилеров и покупателей предметов искусства в США, заявил, что «практически невозможно использовать предметы искусства для отмывания денег, особенно антиквариат и предметы старины, потому что искусство продается медленно, а покупателями обычно являются коллекционеры», а не преступники, желающие заключить быструю сделку, чтобы «легитимировать» сомнительные деньги.

Но, по словам сторонников, заоблачные цены, которые назначаются на произведения искусства даже художников «второго эшелона», не оставляют им иного выбора, кроме как установить ограничения на уязвимую отрасль во времена, когда наркобароны, нефтяные олигархи и казнокрады разного толка очень хотят превратить свои грязные деньги в чистый или взаимозаменяемый актив. Пока такая возможность у них есть, и происходит достаточно судебных процессов об отмывании денег, поэтому для такой обеспокоенности есть основания.

Например, дело 2014 года, известное как *США против Рональда Белсиано и других*, касалось как распространения марихуаны, так и сговора об отмывании прибыли с использованием произведений искусства. Полиция изъяла более 4 млн долларов наличными и конфисковала приблизительно 125 фунтов марихуаны и 33 картины стоимостью более 619 000 долларов со склада в Пенсильвании. По сообщениям прокуратуры, наркодилеры получали произведения искусства вместо денежных средств после того, как им обещали, что они смогут продать их обратно за отмывные деньги, когда арт-дилеры скроют эти операции в своей отчетности. В 2015 году Белсиано приговорили к пяти годам тюрьмы.

По другому резонансному делу бразильского финансиста обвиняли в растрате миллионов своего банка и попытке отмывания денег путем приобретения дорогих предметов искусства, в частности, картины «Ганни-

бал» (1981 года) Жана-Мишеля Баския. Согласно данным федеральных прокуроров Нью-Йорка, финансист Эдмар Сид Феррейра пытался ввезти контрабандным путем в США Баския и примерно 90 других ценных произведений искусства по документам, в которых стоимость каждого предмета декларировалась в размере 100 долларов. Хотя в 2006 году он был осужден и приговорен к 21 году тюрьмы, из-за апелляций и запутанности судебной системы США смогли вернуть произведения в Бразилию лишь в 2017 году.

А мелкие махинации имеют место ежедневно. Индийские должностные лица, например, сообщают, что предметы старины, награбленные в отдаленных храмах и гробницах, используются как средство обмена валют. Эти предметы отправляются дилерам в САР Гонконг или Бангкоке, часто ложно указанные в декларациях как копии стоимостью несколько рупий. Коллекционеры и торговцы готовы заплатить тысячи долларов за эти реликвии, которые прибывают с фальшивыми документами, свидетельствующими об их законной покупке. Дилеры получают часть барыша и проводят остальные деньги обратно через нерегулируемые небанковские финансовые компании преступным группировкам в Индии.

Дебора Лер, председатель Antiquities Coalition, организации по борьбе с торговлей артефактами, расположенной в Вашингтоне, округ Колумбия, предостерегает, что террористические группы уже используют индустрию предметов искусства и старины для привлечения средств путем разграбления древних памятников культуры и продажи через посредников награбленного товара. «Важнейшим приоритетом является закрытие рынка США для незаконных предметов старины и поощрение при этом ответственной торговой практики», — говорит она.

Учитывая, что в каталогах аукционных домов по более чем 70–90 процентам позиций ценных предметов старины приводится лишь скудная информация о продавцах, компаниям, торгующим предметами искусства, имеет смысл смириться с неизбежным и двигаться в направлении большей прозрачности и надлежащих проверок, как говорит бывший прокурор Харди. Предлагаемые положения, по его словам, всего лишь закрепят в законе меры, которые в принципе следует принимать арт-дилерам, чтобы не допустить преступного деяния.

«Иногда, — говорит он, — происхождение средств бывает важнее происхождения предмета искусства». **ФР**

ТОМ МЭШБЕРГ — опытный журналист, который пишет о преступлениях, связанных с предметами искусства и старины, для *New York Times* и других изданий.